

Глава 34. Ревность, рождённая любовью

Корни этого дела уходили в прошлое больше чем на двадцать лет.

Старуха И вышла замуж за Су И и прожила с ним меньше года.

Муж был простоват и неразговорчив, всё время пропадал на заработках, а дома не умел ни угодить ей, ни развлечь. Она невзлюбила его скоро и, скоро же, завела другие мысли.

Сперва — пока Су И уходил на работу — тайком сводила знакомство с чужаками. Потом связалась с сводней из-за денег и принялась ездить на богомолье в храмы и кумирни — якобы молиться за мужа, а на деле встречаться с разными мужчинами.

Вскоре судьба свела её с молодым Цзинь Паном.

В те времена он ещё был правоверным мирянином-подвижником. Только вот в монашестве провёл меньше двух лет — слабовато укоренился в пути, — и старшая него годами, не лишённая ещё привлекательности И без труда его соблазнила. После нескольких её настойчивых наступлений он не устоял и канул вместе с ней в пучину страсти.

Цзинь Пан в те давние годы был видным мужчиной — речистым, обходительным, с тем особым отрешённым изяществом, что отличает людей монастырской выправки. Старуха И потеряла голову.

Ради него она порвала со сводней и встречалась отныне только с ним одним.

Узнав, что беременна от Цзинь Пана, она ради обмана мужа и родни нарочно вызвала преждевременные роды. В одиночку разрешилась от бремени на восьмом месяце и убедила Су И, что мальчик его. Этим мальчиком был Су А-да.

Семь-восемь лет прошло. Старуха И хранила связь с Цзинь Паном, и любовь её к нему только крепла.

Однако Цзинь Пан не испытывал к ней ни любви, ни нежности. Скорее — брезгливость. Нарушив обеты, он быстро пресытился стареющей женщиной с поблёкшей красотой. За несколько лет до описываемых событий он уже велел сводне подыскивать ему других, помоложе, а с И встречаться стал всё реже.

Старуха И любила всерьёз. Чтобы не упустить Цзинь Пана, она, стиснув зубы, взяла на себя роль той самой сводни — сводила его с другими женщинами, лишь бы он не обрывал с ней связь.

Однажды ночью всё рухнуло в один миг: Су И случайно проходил мимо кумирни и застал их на месте.

Жену он ради детей простил. Но Цзинь Пана прощать не собирался. Отпихнув её в сторону, Су И с перекошенным от ярости лицом бросился к нему — связать и тащить в управу.

Старуха И, видя, как бьют любовника, вспыхнула.

Не раздумывая, она выждала, пока Су И, стоя к ней спиной, вцепился в Цзинь Пана, выхватила деревянный посох и ударила мужа по голове. Вдвоём они добились его и всю ночь до рассвета уничтожали следы.

Так Су И погиб от рук собственной жены и её любовника.

Уходил из дома один, был убит в глухой пустоши у заброшенной кумирни. Со временем родня и соседи решили: пропал без вести. Странно, но такое бывает.

Три года спустя убитая горем Старуха И торжественно поставила для так и не вернувшегося мужа кенотаф с его одеждой.

И вот — двадцать лет. Двадцать лет они с Цзинь Паном продолжали своё.

Имея над ним власть убийством, Старуха И больше не сводила его с другими и не раз говорила прямо: кроме неё — никого. А если обнаружит другую — пойдёт в управу сама. Не стали мужем и женой при жизни — будут лежать вместе после смерти. На общей свалке трупов.

Цзинь Пан её боялся. Сдерживая отвращение, он продолжал встречаться с состарившейся, утратившей всякую прелесть женщиной.

Жертва — жена Су А-да — долгие годы не могла забеременеть. Она видела, что свекровь часто ходит в кумирню к Цзинь Пану, и решила про себя: раз старуха так дорожит этим местом, значит, оно и впрямь благодатное. Попросила Су А-да отвести её.

Трагедия не заставила себя ждать.

Цзинь Пан, годами живший под кулаком Старухи И и давно затаивший злобу, не устоял перед извращённым искушением: он знал, что перед ним жена его собственного сына — и именно поэтому надругался над ней.

Несколько месяцев спустя Старуха И случайно узнала об этом. Она набросилась на Цзинь Пана с обвинениями, но тот, проявив нечастую для себя нежность, сумел её успокоить.

И тогда Старуха И, жаждающая хоть крупицы его внимания, сама же, едва невестка поднялась с родильной постели, заманила её к Цзинь Пану снова.

Под гнётом свекрови молодая женщина вынуждена была скрывать всё от мужа и подчиняться.

Прошли годы. В этой чудовищной связи невестка, против всякой воли, влюбилась в Цзинь Пана. И он, со временем, ощутил к ней нечто похожее на привязанность. Они стали тайно переписываться, объяснились — и оба пришли к одному: бежать вместе.

Однажды невестка говорила наедине с дитём в своём чреве, изливая душу, — когда Су А-да ворвался домой раньше срока, купив ей что-то вкусное и торопясь порадовать. Он услышал всё.

Когда жена призналась, что ребёнок не его, и стала просить развода или хотя бы отпускной грамоты, Су А-да потерял себя. Ударил её. Стиснул руками горло.

В самый разгар этого безумия вернулась Старуха И. Выслушала, не изменившись в лице, осмотрела место, всё переставила как надо и велела Су А-да тихонько вернуться прежней дорогой — так, чтобы появиться дома только после того, как она сама заявит в управу.

Но Су А-да невестку не убил. Лишь лишил сознания.

Когда Цзинь Пана доставили в управу и он начал давать показания, Старуха И, прежде не вымолвившая ни слова, сломалась.

Она расхохоталась.

И рассказала всё: как они вдвоём убили Су И, как Су А-да не успел задушить невестку.

Голос её был ровным — почти безразличным, точно говорила о делах давно минувших и ничтожных.

Лишь лицо было страшным.

Она сказала с улыбкой в уголках губ, что когда убирала место преступления, видела: пальцы невестки ещё шевелились.

И всё равно вытащила из угла двора деревянный посох и забила её насмерть.

Особенно — живот. Его она хотела расплющить. За что этот кусок гнилого мяса? Почему ради него Цзинь Пан готов был всё бросить и бежать, а её — её! — оставить?

Она ненавидела!

Пусть эта дрянь умрёт в клочья разорванной. Цзинь Пан будет только её — и при жизни, и после смерти.

Договорив, Старуха И спокойно поправила причёску и обратилась к Наставнику Сюню с просьбой: если их обоих казнят и выбросят на свалку трупов — пусть тела свяжут вместе.

Она сошла с ума.

Именно это, неговоря ни слова, одновременно подумали Чжэн Цзиань и Наставник Сюнь.

В том, что Старуха И пойдёт под топор, не приходилось сомневаться: убийство мужа, убийство беременной невестки — два труп, три жизни.

Что до Цзинь Пана — он заговорил в тот же день, когда его привели в управу. Всё, без утайки.

Никто не ожидал, что дело о двух смертях в семье Су потянет за собой давнее исчезновение самого Су И.

Когда на основании показаний Цзинь Пана кенотаф разрыли — там нашли кости. А в заднем дворе кумирни, под кучей земли, — окровавленную одежду. Ту самую, в которой Су И был убит.

Всё встало на свои места.

Ещё когда они увидели Цзинь Пана — бритого, снявшего бороду, готовившегося бежать, — Наставник Сюнь почувствовал: этот мирянин, подозрительно похожий на Су А-да и его отца, так или иначе связан с делом. А возможно, через него удастся выйти на ключ ко всей истории.

Никто не думал, что ключ окажется таким. Вытащили морковку — потянули вместе с землёй. А с землёй вытащили ещё одно убийство.

Цзинь Пан говорил, что о гибели Су И жалеет всю жизнь. Каждые десять дней читал за него молитвы в заднем дворе — просил, чтобы тот поскорее переродился и в следующей жизни жил без невзгод, в радости и покое.

Кости Су И он сам тайно перенёс в кенотаф десять лет назад — чтобы тот мог вернуться домой.

Он также сообщил: Су А-да — его сын от Старухи И. Оба ребёнка невестки — тоже его. С невесткой у него всё началось страшно, но со временем между ними возникло настоящее чувство. Чтобы вырваться из лап этой безумной женщины, они сговорились — года через

полтора-два бежать куда-нибудь в горную деревню и дожить свой век в тишине.

Напоследок Цзинь Пан, понимая, что ему уже не спастись, выложил всё: и про убийство Су И, и про то, как Старуха И, ради него, годами заманивала других женщин.

Дело было раскрыто — но Чжэн Цзиань радости не чувствовал.

В конечном счёте, все они — Цзинь Пан, Старуха И, невестка — не переставали грешить ради собственных желаний. А вот Су И, Су А-да и дети — те ни в чём не были виноваты.

По словам Наставника Сюня, в показаниях Цзинь Пана чёрным по белому значилось: замышляя побег с невесткой, он ни разу не подумал взять с собой детей.

Чжэн Цзиань покачал головой.

Вот, значит, как бывают родители.

Он сложил свитки обоих дел в стопу и убрал на место.

Столько дней суеты — хватит, пора домой, отдохнуть. Что до наказания — пусть уездный начальник разбирается.

А ребёнок, которому вот-вот предстоит оказаться в Приюте «Рис и монеты для малюток», — тут он бессилён. Лишь скажет своим людям: присматривайте.

Он уездный пристав. Его дело — делать своё дело.

<http://bllate.org/book/17410/1662393>